

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 39

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133

**Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций)
Дневник этнографического отряда (продолжение)***

The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions)
Diary of the Ethnography Research Team (Continuance)

Н. Л. Жуковская (N. Zhukovskaya)¹

¹ Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation)
Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of Center for Asian and Pacific Studies
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Аннотация. В статье публикуется дневник, который автор вела в период работы в Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции. Работа экспедиции началась в 1969 г., в дневнике освещаются события первой половины сентября 1969 г.

Ключевые слова: Монголия, Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция, 1969 год, дневник

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских

* Данная статья является продолжением статьи, опубликованной в № 3 журнала «Монголоведение» [Жуковская 2018].

академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение). Монголоведение. 2019;(1):116-133. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133.

Abstract. The article publishes a diary kept by the author during the Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition. The expedition began its work in 1969, and the diary covers the events of the first half of September.

Keywords: Mongolia, Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition, 1969, diary

For citation: The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions)/ Diary of the Ethnography Research Team (Continuance). Mongolian Studies. 2019;(1):116-133. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133.

1 сентября. Заехав на раскопки А. П. Окладникова и оставив там Л. Л. Викторову, отбываем вчетвером (я, Бадамхатан, Цэрэннадмид, Лубсан) и, конечно, водитель М. Смирнов на машине в Чойбалсан-сомон (60 км к северу от города Чойбалсан).

Приехав туда, зашли в местный сомонный комитет партии, чтобы представиться и отметить командировочные удостоверения. Однако там никого не оказалось.

Пообедали в местной столовой. Тем временем Бадамхатан выяснил имя наиболее знающего в этих краях информатора — он живет в 70 км от сомона, пасёт отару.

Поехали разыскивать его. Часам к 6 вечера прибыли к его юрте. Старик пас отару в 2 км от юрты и вернулся только поздно вечером. В юрте были ее хозяин — старик 60 лет, ходивший в *дели* и цветном женском платочке на голове, его жена и их 5-летний приемный сын.

Информатор, к которому мы приехали, приходился родственником по жене хозяину юрты, его жена (умершая в июне этого года) была сестрой хозяина юрты.

Возле юрты лежали шкуры разделанных тарбаганов. Вечером нас угощали их вареным мясом. Очень нежное и вкусное, несмотря на легкий привкус, который особенно сказывается при отрыжке, и запах, который потом исходит от рук, так как есть мясо приходится руками.

Беседа со стариком состоялась поздно вечером после того, как тот пригнал отару, которая расположилась недалеко от юрты. Ко-

лоритный старик в красном *дели*, обвязанный махровым розовым полотенцем вокруг головы. В течение 16 лет он работал председателем Чойбалсан-сомона. В настоящее время на пенсии. Зимой живет постоянно в сомоне. На лето нанимается пастухом в госхоз. Зарабатывает летом каждый месяц 800 тугриков. Весной, когда идет окот овец, даже больше.

Старика зовут Тумургарьд, ему 80 лет. Он написал историю своего сомона с маньчжурских времен до наших дней. Эта история в ближайшее время уже выйдет в издательстве Восточного аймака. В этом сомоне старик проживал всю жизнь. Это прежний Цеценхановский аймак в составе Маньчжурской империи. Действующий ламаистский монастырь этих мест назывался «1 000 благополучий» (?), в нем постоянно проживало большое количество лам. За пределами монастыря было несколько действующих *обо*. Недалеко от места, где мы сейчас беседовали, находились два из них: одно общее, другое специально для тайшей. На последнее женщины не допускались. Усыпальница двух первых нойонов этого хошуна находилась недалеко — на территории современного г. Чойбалсан. Это был субурган с прахом их обоих. К этому субургану приходили молиться. Сейчас от него ничего не осталось.

Главное действующее *обо* хошуна находилось на горе Хан-ула. После того, как заканчивались празднования на местных *обо*, начиналось общее празднование всего хошуна на Хан-ула. Проводилось оно ламами, шаманов в этих местах не было.

Легенда об основании местного монастыря «1 000 благополучий» такая. Первый нойон построил монастырь на месте юрты простых дедушки и бабушки. Было это примерно 154 года назад. Случилось это так. Когда нойон вошел в юрту, старик в котле кипятил молоко. Нойон спросил имя старика, тот ответил: Генденду, что означает «творить хуvaraков». В это время молоко убежало из котла. Вот это и оказалось тремя причинами, которые побудили нойона построить монастырь именно здесь и вызвали у него уверенность в том, что он будет процветать: 1) кипящее молоко; 2) имя старика; 3) то, что молоко убежало. Все три явления сулили благополучие.

2 сентября. Утром наблюдали перекочевку наших хозяев и их соседей. Постепенный разбор и складывание юрты, укладывание

имущества на повозки, упряжь верблюдов, которые перевозят эти повозки. Весь готовый к перекочевке караван состоял из 23 верблюдов с повозками (ухэр тэрэг — повозка двухколесная с большими деревянными колесами).

На первой повозке стояла деревянная кибитка, имевшая вид сундука, в ней дверца сбоку и откидное вверх оконце спереди. В ней ехала жена и сын хозяина. Сам хозяин ехал верхом на лошади впереди каравана и держал в руке поводок первого верблюда. Поводок каждого последующего верблюда прикрепляется к поводку впереди идущего. Поводок самого первого верблюда держит в руках всадник, который ведет за собой весь караван.

Позади каравана медленно движется скот: отдельно стадо коров, отдельно — отара овец. Расстояние перекочевки было 3–4 км по прямой линии. Через два часа караван остановился. Обе юрты разместились на расстоянии 150–200 м друг от друга. Хозяева начали расставлять вещи (сундуки, кровати, кухонную утварь) на полагающихся им местах. Мы дружно помогали. А потом все вместе ели мясо сваренного козленка, запивая его вкусным наваристым бульоном.

3 сентября. Вчера вечером вернулись в г. Чойбалсан, проехав около 150 км. Поужинали в столовой при гостинице. Обменялись последними новостями с А. П. Окладниковым и его сотрудниками. Они нашли новый тип неолитической культуры к югу от г. Чойбалсан, в 3–4 км от реки.

А. П. интересуется древнейшими изображениями птиц (орлов), рыб и типами погребений (сожжений, захоронений в гробах) как этнографическими параллелями к материалам его раскопок. Бадамхатан сказал, что у дархатов сохранились амулеты в виде каменных рыб. А изображения орла встречаются на шаманских костюмах. Днем сидели в Краеведческом музее: зарисовывали и описывали костюм хамниганской шаманки, который хранится в фондах музея. (В этом же 1969 г. этот костюм с подробной зарисовкой всех его деталей опубликовала К. В. Вяткина, работавшая в Монголии в 1948–1949 г. в составе Археолого-этнографической экспедиции под руководством С. В. Киселева (см.: [Вяткина 1969]).

4 сентября. Сегодня намечена поездка на гору Хан-ула. По спидометру до нее 32 км от Чойбалсана. Выехали рано утром, но

по каменистым дорогам добрались только к обеду. Осматриваем то, что осталось от главного аймачного *обо*. Главная куча камней имеет высоту примерно 2 м, в нее воткнуты несколько прутьев, на них конский волос *хи-морин* (одного образца), такого же типа изображения буддийских драгоценностей с тибетскими молитвами вокруг). Там же хурдэ — молитвенная мельница, коробка из-под монпансье с фигурой лошади, вырезанной из дерева, обмазанной маслом и обложенной ватой; в три стороны спускаются натянутые веревки, увешанные конским волосом, разноцветными полосками тканей. Части света не соблюдены: 1 с северной стороны, 2 — с восточной, 3 — с западной, на юге ничего нет.

Четыре небольшие кучи камней окружают главную, к ним привязаны эти веревки. Вокруг отличная протоптанная тропа, по которой ходят по солнцу во время богослужения. От каждой небольшой кучи камней по радиусу расходятся несколько маленьких, становящихся все меньше по мере удаления от центральной кучи. Тут же стоит вышка геодезистов, которая часть таких малых куч разрушила.

Кладбище нойонов, расположенное на этой же горе, показатель того, что обо часто возникали возле родовых кладбищ. Древние обо могли находиться возле древних могильников. Чем древнее могильник, тем древнее может быть обо возле него. Директор музея Гонгор сообщил, что бывают такие типы обо: нойонские, для рядовых аратов — мужчин и женщин, только для мужчин, хошунные, оточные, индивидуальные, ламские, на которые женщинам нельзя приходить.

Маленькие кучи камней, хаотически громоздящиеся вокруг без соблюдения каких-то направлений, по объяснению Бадамхатана, представляют собой индивидуальные обо, которые строит каждый приходящий сюда молиться (это следует проверить, т. к. куч, хотя и много, но не настолько, чтобы предположить, что их строил всякий приходящий). Валяются свежие бараньи черепа, довольно новые блестящие монеты *мэнгэ*.

Наши монгольские коллеги (Бадамхатан, Цэрэнадмид, Гонгор) оставили кое-что на обо: Бадамхатан — коробоку спичек, Цэрэнадмид и Гонгор — по *мэнгэ*.

Спустившись немного вниз по склону, мы оказались на территории кладбища бывших хошунных нойонов. За исключением первых двух, чей прах находится в субургане, остальных хоронили на этом кладбище. Внешне могилы выглядят как порядком заросшие каменные курганы.

5 сентября. С утра в музее продолжаем изучать шаманский костюм. Лувсан и Жанлав подробно зарисовывают его, Бадамхатан фотографирует с различных сторон. Я перерисовываю на кальку карты. Их в музее много: 1) карта древностей Восточного аймака; 2) карта хошунов Цэцэнхановского аймака в период Маньчжурского владычества; 3) карта монастырей и хурулов Восточного аймака; 4) карта хошунов Хан-Хэнтэйского аймака (1923–1931). Имеется список хошунов к последней карте. Их названия даны по названиям священных гор.

Хан-Хэнтэйский аймак (1923–1931) включал в себя следующие 28 хошунов: 1) Хан-Хэнтэй уулын хушуу; 2) Онон голын шинэ буриад хушуу; 3) Биндерья уулын (далее слово *хушуу* / *хошун* я опускаю); 4) Өндөр цагаан уулын; 5) Дашбалбар уулын; 6) Баянхан уулын; 7) Өндөр-хан уулын; 8) Оцолсансар уулын; 9) Дархан уулын; 10) Гал шар уулын; 11) Идэрмэг баянхан уулын; 12) Батноров уулын; 13) Монх жавхлант уулын; 14) Тумэн цогт уулын; 15) Батхаан уулын; 16) Монх хан уулын; 17) Тушлэг хан уулын; 18) Улзголын шинэбуриад; 19) Баян тумэн хан уулын; 20) Амгалан хан уулын; 21) Баян монх уулын; 22) Өлзийт уулын, 23) Матад хан уулын; 24) Дарьганга нутаг; 25) Халхаголын; 26) Зотол хан уулын; 27) Ханчандмань уулын...; 28) Шинэ халх голын буриад.

Вечером Гонгор-гуай привел старика-халха, который, по его словам, хорошо знал Эрдэн-обо — священную гору Сэргэлэн-сомона. Старик родом из отока, находившегося в Сэргэлэн-сомоне, знает только свое обо. Оно называется Эрдэн-обо. На него всем разрешалось ходить. И он не помнит случая, чтобы на него запретили подниматься женщинам. Из обо, на которые женщинам было запрещено ходить, он слышал только про одно — оно находилось в той местности, куда мы ездили (Бахлай). На Хан-ула сам он никогда не бывал.

Но, как оказалось, и на Эрдэн-обо он тоже не был. Возле Эрдэн-обо нет никаких кладбищ — ни старых, ни новых, были они

или нет — этого информатор не знает. Об имени сабдаха — «хозяина» горы тоже ничего не знает (совпадало ли оно с названием горы или нет). Сказал, что Пунцугжамцаг в Булган-сомоне — хороший информатор, советовал обратиться к нему.

Хоронили покойного лежащим в позе нирваны на правом боку. Умершего клали на землю, а не закрывали в ящик, старались, чтобы труп побыстрее съели волки или собаки. Лам хоронили также. Никакого сжигания на своем веку он не помнит. Знает, что в сомоне, бывшем на месте Чойбалсана, был когда-то субурган с прахом двух первых нойонов этого аймака, умерших где-то в начале XVIII в. Вначале их прах просто возили в юрте, в которую никого не пускали. Говорили, что прах находился в маленьком позолоченном субургане, к нему не подпускали никого, потому что боялись его кражи. За что они удостоились чести быть сожженными, он не знает.

Вопрос: Слышал ли он когда-нибудь, чтобы при похоронах какого-либо монгола забивали собаку.

Ответ: нет, не слышал. Слышал только, что буряты при похоронах забивают скот, но верно это или нет — не знает.

Вопрос: Слышал ли он когда-нибудь, чтобы докшиты были покровителями семьи и чтобы к ним обращались в случае, если с семьей что-либо случится.

Ответ: нет, не слышал. В каждой юрте был свой набор бурханов, но ни один из них не считался покровителем конкретно данной семьи. Бурханы были общие. Слышал, что божества-покровители семьи были у бурят. Про богов Чойжила, Жамсарана слышал. Знает, что есть маски, изображающие их, может их отличить. Чойжил — бог смерти, судит людей на том свете. Хубилганы в данной местности были, он их видел. Сейчас ни одного нет.

6 сентября. Вместе с отрядом А. П. Окладникова еду на Баянхоток. По дороге останавливались возле найденных ими в прежние годы неолитических стоянок. Собирали подъемный материал. Несколькими километрами дальше находятся выступившие вследствие размывов поверхности почвы очаги неолитического времени. Их 5 или 6. Осмотрели раскопанную в прошлом году могилу сянбийского времени. От нее ничего не осталось, кроме неболь-

шой выемки глубиной 5–6 см. В ней находилось женское погребение с подвернутыми ногами. Там были две железные пайцзы, черепа не было. Все содержание могилы поступило в Центральный музей Улан-Батора.

По соседству заехали в юрту. Хозяева ее напоили нас кипяченым молоком, что очень почетно, угостили арулом (сухим творогом), таракком (простоквашей) и урюмом (пенками), потом, взяв с собой в качестве проводника одного из хозяев, поехали на гору с субурганом.

Наш сопровождающий сообщил, что гора Баян-хоток находится еще дальше, км в 20–25 отсюда, а та, на которую мы собираемся, называется Хойто-ула. На вершине этой горы находится следующее сооружение — трехступенчатый субурган, увенчанный кустом тальника, увешанного цветными полосками ткани. Ориентирован строго с севера на юг (проверили по компасу). С южной стороны стоит жертвенник прямо на земле (на нем когда-то стояла курильница, ее украли в прошлом году), на второй ступени тоже с южной стороны — еще один жертвенник, выложенный из плит, который обращен небольшой нишей на юг: в ней масло, урюм, лепешки, конфеты, сбоку вложены деньги.

Основной субурган с четырех сторон света (С, Ю, В, З) окружен 4 малыми, столь же аккуратно сложенными из плит кубами. Из каждого торчит по 2–3 прута тальника. Восточный и западный кубы соединены с центром натянутыми веревками с висящими на них *хи-морин* и волосами из лошадиных хвостов. На восток и на запад строго по радиусу — небольшие кучи камней: их 13 с восточной стороны и 12 — с западной. В направлении севера и юга этого нет. Домой вернулись в 17.00.

7 сентября. День стирки и отдыха. Стирали на берегу Керулена свои вещи я, Бадамхатан, Цэрэннадмид, Жанлав и Лувсан. Пока белье сохло, переводили «Сутру о Цаган убогуне» — рукописный текст, который Бадамхатану подарили вчера в одной из юрт. Потом Лувсан привез 15 литров кумыса в бидоне: с трёх часов дня до ночи ребята весь его выпили. Водитель Миша и я пока на такие «подвиги» не способны.

Сегодня воскресенье. Очень многие монгольские семьи Чойбалсана пришли на берег, стирают белье, пока оно сушится, они

сидят на берегу и ждут. Затем собирают его и идут домой. Обычная сценка: жена трет мужу спину, а он стоит по колено в воде. Течение сильное. Иногда семьи подъезжают прямо на грузовых машинах — очевидно, глава семьи — водитель. Пока взрослые занимались стиркой, ребята играли в монгольскую игру на пальцах. Играют по двое: по очереди вскидывают по несколько пальцев. Задача — угадать, сколько пальцев выставит противник.

8 сентября. Набор ламаистских ритуальных предметов на стенде музея: 1) *тунраа* — рог из дерева с вырезанными на нем буддийскими символами (хорло, очир, ритуальный изогнутый меч и т. д.). Навершие у него в виде головы дракона — деревянное с высунутым длинным языком; 2) *пурбо* — ритуальный трехгранный кинжал, увенчанный ваджрой, длиной примерно 15 см; 3) *гавал аяга* — чаша из черепа; 4) *Чөмгөн гандан* — музыкальный инструмент из берцовой кости девушки; 5) *жинсэргийн халбата* — металлическая ложка с очиром на верхнем конце (длина примерно 1 м); 6) *гавал ганшин* — на трехгранной подставке с изображением человеческих лиц по углам лежит чаша (диаметром 5–6 см) — металлическая габала, прикрытая металлической крышкой с изображением лотоса. Навершие в виде ваджры. Основа, в которую упирается ваджра, скульптурная, представляет собой рельефное, выдавленное на поверхности крышки изображение ваджры.

В музее же висит работа художника Ч. Батмөнх — портрет вана Дамдинсурэна, воевавшего с японцами, нападшими на Монголию в 1920 г. Хранятся его вещи (столлик — ширээ, кожаный пояс с бляхой из белого нефрита, серебряная чаша — аяга).

Под портретом еще одна картина — Ч. Батмэнх «Манлай ван Дамдинсурэн тулалдааны өмнө» (Полководец Дамдинсурэн перед битвой). Тут же еще две картины: японцы расстреливают монголов, японцы избивают монгола и жгут его юрту.

Археологическая экспозиция представлена следующими разделами: 1) неолит: нуклеусы, отщепы, каменные наконечники стрел, собранные в разных местах Восточного аймака; 2) бронзовый век: наконечники стрел, керамика, различные подъемные находки типа примитивных изображений лошади; 3) фотографии каменных баб из сомонов Халх-гол и Матад; 4) череп из раскопок

могилы в Булган-сомоне (тюркское время); 5) материал раскопок могилы в Барс-хото: стремена, наконечники стрел; 6) керамические навершия над желобами на крышах монастырских зданий с львиными мордами, фрагменты облицовки зданий, керамические желоба крыш; 7) китайские монеты XIII–XX веков.

Маньчжурский период представлен изображениями видов наказаний, применявшихся в то время, цепями, а также головными уборами гунов и ванов, серией карикатур на нойонов, лам, русских купцов, японцев, обирающих страну. Тут же громадный чугунный войсковой котел. Картина Б. Гомбосурэна «Сан бэйсын хурээ», 1910 год.

По дороге из столовой заехали на монгольское кладбище. Оно находится в 2,5 км к северу от города. Обнесено общей оградой. Внешних форм захоронения несколько: 1) ящик засыпается землей, сверху заваливается камнями, в изголовье ставится тумба с надписью: кто и когда здесь похоронен; 2) ящик не зарывается в землю, но засыпается камнями прямо на поверхности земли, тумба-надгробие тоже есть; 3) ящик ставится на землю, вокруг него сооружается из кирпича и обмазывается цементом саркофаг, на нем из битого стекла или из мелких камешков выкладывается имя умершего, закрепляемое цементом. На некоторых могилах можно увидеть «намек» на профессию умершего: например, руль или какая-нибудь деталь машины у водителей. Кое-где валялись кости животных. Один детский гробик, обитый шелком и лентами, имел сдвинутую крышку: под ней был виден почти истлевший детский труп.

Днем закончила свои дела в музее. Вечером пошла смотреть русское кладбище. Оно тоже находится на севере в трех километрах от монгольского. Кладбище имеет вид заброшенный. Забор опрокинут. Самое последнее захоронение датировано 1964 г., генерал-майор Кукушкин. Есть могилы 1947, 1952 годов. Здесь явно никто не бывает и за могилами не ухаживает.

9 сентября. Выехали в сомон Халх-гол. Пока заправились водой и закупили хлеб, прошла половина дня. Ночевали в степи. Жутко жрали комары, здесь они какие-то особо кусачие. По дороге на 87 км от Чойбалсана обнаружен большой плиточный могильник.

10 сентября. Продолжаем путь на Халх-гол. Заехали к рыбакам Буир-нура, хотели купить рыбы, но неудачно. Вчерашний улов уже переработан на местном заводике, а сегодня на лов они еще не вышли. Пойманную рыбу засаливают и отправляют за рубеж (в основном в СССР) в бочках. Главная промысловая рыба — щука.

В 13 часов приехали в Халх-гол-сомон. Встали лагерем на берегу р. Халх-гол. Самые удобные подходы к реке превращены в большую свалку. Валяется убитый волк, с которого даже не сняли шкуру. Тут же задранный, наверное, тем же волком баран. Масса обглоданных костей, черепов и пр. Ветер разносит запах тления.

Представились сомонному начальству, получили имена информаторов по интересующим нас вопросам. Вечером в сопровождении одного из них поехали за 10 км от сомона посмотреть на стоящие здесь фигуры двух каменных баб. Обе в сидячем положении и находятся примерно на расстоянии 4 км друг от друга. Одна из них называется *лам чулуу* (каменный лама), другая — *хун чулуу* (каменный человек).

Л. Л. Викторова считает, что одна из них тюркская VII–VIII вв., вторая монгольская XIII–XIV вв. Обе стоят на курганах, возможно, на могильных. Тут же современное сомонное кладбище. Могилы все свежие. Ориентация могил с запада на восток (головой на запад). В основном могилы сверху цементируют, но часто они спустя какое-то время проваливаются, и тогда в гробу видны скелеты.

Осмотрели развалины монастыря, который считается одним из самых старых монастырей (ему было более 300 лет в момент перекочевки в Тамцаг-булаг). Первый нойон, образовавший этот хошун, по имени Пунцаг, построил этот монастырь примерно в 1690 г.

11 сентября. Информатор Чултэм, 70 лет, бывший лама, который сопровождал нас вчера на каменные изваяния, рассказал следующее. Эти каменные изваяния не почитаются, народные предания связывают их с древними корейцами. Почему это так, он не знает. Местное кладбище сомона находится здесь всего лишь 6–7 лет. Прежнее было к юго-востоку от сомона. Сейчас туда ездить далеко. Раньше он был монахом при монастыре в Тамцаг-бу-

лаге, затем в Халхин-сумэ возле Буир-нура, после того, как хорчины устроили там (в Тамцаг булаге) пограничную службу.

В монастыре было около 40 лам, наш собеседник был ламой низкого ранга, его только причисляли к ним и редко использовали во время служб.

Гандан-чойхорлин — так по-тибетски назывался этот монастырь. При нем находилось Балдан-Тая-обо, построенное недалеко от монастыря. При его освящении читали книгу «Лхамо». В чтении книги на горе участвовали только ламы, а все прочие участвовали в надоме у подножия горы: там были выпивка и игры. Здесь не делалось различий между мужчинами и женщинами — и те, и другие могли принимать участие в празднике почитания обо.

Обо строились все одинаковые, порядок освящения их был тоже один и тот же, только книги читались разные, никакой иной разницы между ними не было. Специального изображения духа горы Балдан-Тая не было.

Интересная легенда есть о том, как дух горы Цаган-уул стал ламой. Каждый день маленький мальчик в сопровождении старика приходил к монастырскому колодцу: старик держал его за пояс, а тот спускался в колодец и доставал воду. В монастырь старик не заходил, так как не был ламой. Однажды наблюдавший за ним лама спросил его, из какой он местности. Тот ответил, что из Цаган-уул, он был объявлен духом Цаган-уул и стал ламой под именем Генен-мигар.

Сам Чултэм родом из сомона, где верховной горой почиталась Цаган-обо. «Хозяин» (сабдах) горы Цаган-обо был изображен нойоном на черном коне. Имени его не знает, но видел его изображение на белой ткани. Оно висело прямо на горе. Читали сутры «Чагдар-далха» и «Гови-лха». Сабдах считался очень опасным. До принятия ламаизма он не был известен. Забивали в его честь барана, празднование устраивалось в начале лета, но до или после хошунного обо — он не знает.

Чултэм согласился рассказать нам, каким был местный похоронный обряд. До появления в этих местах лам умерших закапывали в землю, после принятия ламаизма просто заворачивали в белую ткань и оставляли на кладбище. Сам информатор в похоро-

нах участия не принимал. Но знал, что были специальные ламы, которые этим занимались. Важно было, чтобы тело побыстрее съели волки или собаки. Старое кладбище забросили, потому что оно сейчас далеко от новой территории сомона. На нем хоронили раньше, потому что кочевали в тех местах. В пределах зоны кочевания было несколько точек, где хоронили умерших, кроме упомянутого кладбища. Иные варианты выбора места похорон: 1) где просил сам умерший; 2) где остановилась лошадь, к которой привязывают его труп, когда везут его хоронить: если сам он определенного заветования не оставил, то там его труп и оставляют.

Вечером пошли к другому информанту — Баинбилику, 74 года, участнику гражданской войны, партизанских боев. К нему часто приезжают корреспонденты с расспросами о тех годах. Старик очень доброжелательный, разговорчивый. Очень хорошо говорит о русских, о том, что они обороняли его родину, имея в виду события 1939 г. на р. Халхин-гол.

10 дней назад у него умерла жена. На культовом столике стоят несколько чаш с фитилями, опущенными в масло. Одна лампада горит. Так будет до 49 дня после её смерти, когда душа покойной наконец достигнет страны Дзамбутвип.

На темы о похоронных обрядах по следам свежей раны со стариком говорить было не очень удобно. А о культе священных гор он ничего не знал — о чем очень сожалел. На прощание я попросила разрешения зажечь лампаду в память о его покойной жене. Старик ужасно растрогался, даже прослезился и разрешил. Я зажгла лампаду и оставила свои спички. Теперь лампада будет разжигаться только этими спичками, а коробку будут хранить как память — так сказал хозяин юрты. На прощание старик меня похлопал в щеку, а Бадамхатана поцеловал.

Дочь хозяина, которая пришла к концу нашей беседы, угостила меня лепешками с домашним маслом; урюмом — пенками, поджаренными с мукой. На прощание тоже чмокнула меня в правую щеку, сказав, что в следующий мой приезд чмокнет в левую. Мы пообещали обязательно вернуться.

12 сентября. Едем в местность, которая называется Их-бурхан. Это примерно 30 км от Халх-гол сомона. Живописная долина реки

Халх-гол. На склоне горы выложен из камней многометровый Будда. Он и есть Их бурхан, т. е. Великий бог. Изображение сделано в 1859–1863 гг. как средство для спасения от дзута, который в те годы массами губил скот. Два квадрата вписаны друг в друга. Основная фигура целиком уже не видна! Отчетливо сохранились лишь некоторые детали: слон в ладони, фигура божества. У подножия, в левом нижнем углу внутреннего квадрата рука, сжимающая ритуальный предмет в виде скелета с черепом. У самого Их бурхана сохранилось лишь украшение головы. Бадамхатан говорит, что в 1939 г. сюда попала бомба. До этого у левого плеча Их бурхана стоял субурган высотой 5 м.

На ночевку остановились километрах в двух от 3-х юрт, хозяева которых пасут скот Халхин-гольского объединения. Коров примерно 800 голов, лошадей — 2 тысячи голов, большая отара овец.

Бадамхатан со студентами вечером ушёл в юрты «заниматься» этнографией и ужинать. Мы разбили палатки, приготовили с водителем Мишей свой ужин.

После ужина хотела дойти до юрт к ребятам, но было уже темно и, потеряв всякий ориентир, я вернулась к машине и палаткам, которые еще были видны на фоне закатного неба. Часов в 11 вечера вернулись ребята. В юртах много народа и ночевать там негде. У Бадамхатана состоялась интересная беседа с местным стариком в юрте об обряде, совершаемом по случаю убийства молнией какого-либо животного. Если молния убьет корову, лошадь или овцу (чаще всего это бывает с лошадьми), приглашают человека обязательно из рода даганак, и тот произносит над убитым молнией животным специальное заклинание. Обращается к небу: почему, Небо, ты убило это животное, почему ты не взяло меня вместо него?

После окончания обряда снимается с убитого животного шкура. Мясо поедается участниками обряда. Из шкуры убитой лошади изготавливают различные предметы: уздечку, сумки и др., которые считаются помогающими от падежа скота. Интересно, что этот обряд заклинания молний не имеет никакого отношения к ламам в этом сильно ламаизированном районе, а для совершения его приглашается простой человек, но обязательно из рода даганак.

13 сентября. Утром приехал старик, которого мы не застали в Халх-сомоне. Он четыре дня ездит по степи и ищет своих пропавших лошадей. Наконец нашел. С собой у него оказалась сутра посвящения горе Цаган-уул на тибетском языке. На ходу он ее перевел на монгольский язык. Бадамхатан этот перевод записал, но говорит, что это — тот же вариант, который им уже записан в Чойбалсане. Л. Л. Викторова опять поехала на Их бурхан, фотографировать его при утреннем свете. Ей кажется, что на месте Их бурхана прежде был какой-то храм, так как она проследила остатки базовых колон. Камни, из которых сложен Их бурхан, ей кажутся чересчур замшелыми. Возможно, они еще раньше были использованы в качестве строительного материала, а уже потом из них был сложен Их бурхан. На вершине горы и на склоне видны плиточные могилы. У подножия уже на равнине квадрат из камней, остаток прежней кумирни, в которой жил лама, наблюдавший за тем, как шло строительство Их бурхана.

Пошли по юртам. На пути к ним встретили табун и трёх табунщиков, которые наблюдали за лошадьми. Они показали нам, как заарканивают коней. Лубсан тут же заарканил молодого жеребёнка-однолетку, Жанлав пытался на нем поездить. Жеребёнок быстро вырвался и убежал.

В юрте хозяин (сравнительно молодой, около 40 лет) сообщил, что Их бурхан был построен как пограничный знак, чтобы огрaдить свою территорию от баргутов. В середине дня Л. Л. Викторова заехала за нами, и мы отправились знакомиться с работой опытной фруктово-овощеводческой станции на Халхин-голе. Ночевали недалеко от нее, разбив собственный палаточный лагерь. Вечер прошел в его благоустройстве.

14 сентября. Утром начали знакомиться с работой станции. При ней построен поселок, всего в нем проживает около 200 человек, рабочие и служащие станции. Станции 10 лет. Старика, которого мы ищем, пока нет, и мы заходим в гости к вчерашнему знакомому Викторовой и Бадамхатана — Дамдинсурэну, 68 лет. Он из рода еншибуу. Кочует в этих местах давно. Возле Хамар-Дабана находилась священная гора единственного отока хотогойтов, бывшего в этих местах — Сумбэр-уул (один оток — около 50 семей).

На горе Сумбэр-уул был хурул. При нем постоянно проживающих лам не было. Действовало оно по их наездам. Дух горы называется Жам, ему читались там сутры. Там же было действующее обо, но сейчас там ничего нет, камни разобраны для строительства станции. Родового кладбища хотогойтов возле Сумбэр-уул не было. Эта территория — бывший хошун Тавана (о котором написал книгу Ш. Нацагдорж. Таван гууний сургал. Улан-Батор, 1968 г.).

Существовал дух-хозяин озера Буир-нур, была и сутра, посвященная ему, но ее следует искать в сомонах, близких к этому озеру. Деление хотогойтов на восточных и западных нашло отражение в диалоге, который имел место между белым и черным старцами в цаме (очевидно, местный вариант цамы). Белый старик говорил, что он проезжал места, где были хотогойты, а черный старец — что в его местах хотогойты тоже имеются. О духе реки Халх-гол ничего не слышал. Ни о каких древних могильниках в округе он ничего не знает. Родовое кладбище имелось. Оно было одно и с перекочевками связано не было. Кладбище имело специальное название *хургалж*. Термин, который хозяин объяснить не может. Запретным для женщин было обо на г. Цаган-уул. Эта гора находилась в стороне от населенных пунктов, к ней ездили специально, чтобы осуществлять моление. На гору женщинам подниматься не разрешалось, но в надоме у подножия горы участвовать было можно.

Присутствовать на молении на горе Цаган-уул довелось ему однажды в жизни. Всю службу ведут ламы. Читают сутру. После этого все миряне ходят по солнцу вокруг обо. Женщины во время службы находятся у подножия горы, в службе не участвуют, но затем принимают участие в надоме. Каждый сомон, который принимал участие в этом празднике, выставлял определенное количество скота. Его забивали тут же у подножия. Лошадиные черепа на обо — это черепа животных, посвященных «хозяину» этой горы. На горе висело его изображение, нарисованное на полотне: белый старик верхом на белом коне, в левой руке — мышь. Ежегодно это изображение обновлялось, заменялось новым.

На горе было обычное обо, окруженное забором. В каких случаях ставят частные индивидуальные обо, он не знает, но частные,

семейные обо начали создавать в последнее время. Раньше это не было принято.

В ходе беседы к нам присоединился еще один старик — Даланнаст, 73 года, халха, род чахар. Хорошо знает историю своего хошуна. Её записали у него Бадамхатан и Лувсан.

Вечером пошли к информатору Ринчин Мядаг, хотогойт, 77 лет. 20 семей хотогойтов, пришедших в эти земли, со временем увеличились до двух отоков. Основное божество, которому поклонялись хотогойты, был Жамсаран, его почитали на г. Сумбэр-ула. В честь него устраивались раз в год моления. Основные группы хотогойтов живут в западных аймаках Монголии, в Прихубсугулье. В эти места попало 20 семей после подавления восстания Цэгунжаба войсками маньчжурской династии Цин. Хотогойты, живущие во Внутренней Монголии, — родственники этим. Культ Жамсарана — общий для западных и восточных хотогойтов. Как давно стала почитаться Сумбэр-уул, он не знает, так как родом из западных сомонов.

(Пометка для себя. Интересно в будущем проверить, есть ли у хотогойтов Хубсугула какие-либо сведения о горе под названием Сумбэр-уул с главным культом в виде божества Жамсарана).

Пускали или нет женщин на эту гору, он не знает, так как при-был в эти места всего 7 лет назад вместе с сыном, который работает на опытной станции шофером. До этого в связи с реорганизацией сомонов они перекочевывали несколько раз, жили в районе города Чойбалсан. У этого же информатора весь день собирали материал Лубсан, Жанлав, Цэрэнадмид. Вопросами местных «хозяев» — сабдахов интересовался Лубсан. У озера Буир-нур есть «хозяйка» — женщина. Она сидит на камне в северной части озера и смотрит на юг. Одета в белое. Раз в год ей посвящали молебны. Хозяйку Буир-нура почитали 15 числа 1-го летнего месяца. Об обычае *сэтэр* (посвящения животных) хозяину г. Цаган-уул информатор сообщил, что ему посвящали белого коня. Посвященно-му коню к гриве привязывали ленту.

Литература

- Вяткина 1969 — *Вяткина К. В.* Костюм дархатской шаманки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXV. Л.: МАЭ, 1969. С. 136–145.
- Жуковская 2018 — *Жуковская Н. Л.* Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций) // Монголоведение. 2018. № 3 (14). С. 4–12.

References

- Vyatkina K. V. The costume of a Darkhad female shaman. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Vol. XXV. Leningrad: Museum of Anthropology and Ethnography, 1969. Pp. 136–145. (In Rus.)
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969, the first two weeks of works (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). *Mongolian Studies*. 2018. No.3 (14). Pp. 4–12. (In Rus.)